

DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.2.3>

UDC 330.1
LBC 65.5

Submitted: 12.01.2026
Accepted: 30.01.2026

THE CONSUMPTION RIGIDITY INDEX: STRUCTURAL CONSTRAINTS ON HOUSEHOLD BUDGETS IN A CROSS-COUNTRY PERSPECTIVE

Denis S. Ushakov

Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Tatiana V. Podolskaya

South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. In an environment of increasing macroeconomic volatility, understanding the structural constraints on consumer demand is becoming critically important. This study focuses on the phenomenon of “anchor costs” – mandatory, inelastic items in household budgets that, according to behavioral economics and institutional theories, form a “financial floor” and influence macroeconomic stability. To bridge the methodological gap caused by the lack of a cross-country comparable metric, the authors develop and empirically validate a new quantitative indicator – the Consumption Rigidity Index (CRI). The CRI methodology is based on the hypothesis that a high share of anchor costs leads to a symmetrically weak response of aggregate consumption to GDP fluctuations in both expansion and contraction phases. The index is calculated as the difference between the average elasticities of consumption to GDP during periods of economic growth and decline. A key result is not only the confirmation of the CRI’s validity but also the identification of two qualitatively different types of structural constraints it diagnoses. Conversely, sharply negative CRI values signal “debt fragility” – a procyclical vulnerability caused by excessive household debt burdens. Thus, the CRI transforms from a measure of rigidity into a diagnostic tool for differentiating policy responses: income support measures or macroprudential regulation.

Key words: anchor costs, Consumption Rigidity Index, elasticity of consumption, debt fragility, procyclical vulnerability.

Citation. Ushakov D.S., Podolskaya T.V. The Consumption Rigidity Index: Structural Constraints on Household Budgets in a Cross-Country Perspective. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2026, vol. 28, no. 2, pp. 32-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.2.3>

УДК 330.1
ББК 65.5

Дата поступления статьи: 12.01.2026
Дата принятия статьи: 30.01.2026

ИНДЕКС РИГИДНОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ: СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ БЮДЖЕТА ДОМОХОЗЯЙСТВ В КРОСС-СТРАНОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Денис Сергеевич Ушаков

Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Татьяна Валентиновна Подольская

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В условиях роста макроэкономической волатильности понимание структурных ограничений потребительского спроса становится критически важным. Данное исследование фокусируется на феномене анкерных расходов – обязательных, неэластичных статей бюджета домохозяйств, которые, согласно теориям поведенческой экономики и институционализма, формируют «финансовый пол» и влияют на макроэкономическую стабильность. Для преодоления методологического пробела, связанного с отсутствием кросс-странового сопоставимого измерителя, разработан и эмпирически валидирован количественный индикатор – Индекс ригидности потребления. Индекс рассчитывается как разность между средними эластичностями потребления по ВВП в периоды роста и падения экономики. На основе данных Всемирного банка за 1960–2023 гг. CRI рассчитан для 94 стран. Ключевым результатом является выявление двух качественно различных типов структурных ограничений, которые он диагностирует. Значения CRI, близкие к нулю, коррелируют с бытовой ригидностью, обусловленной высокой долей расходов на базовые потребности. Напротив, резко отрицательные значения CRI сигнализируют о долговой хрупкости – проциклической уязвимости, порожденной чрезмерной долговой нагрузкой домохозяйств. Таким образом, CRI трансформируется из измерителя ригидности в диагностический инструмент для дифференциации политических ответов: мер поддержки доходов или макропруденциального регулирования.

Ключевые слова: анкерные расходы, Индекс ригидности потребления, эластичность потребления, долговая хрупкость, проциклическая уязвимость.

Цитирование. Ушаков Д. С., Подольская Т. В. Индекс ригидности потребления: структурные ограничения бюджета домохозяйств в кросс-страновой перспективе // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2026. – Т. 28, № 2. – С. 32–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.2.3>

Введение

В современных условиях усиления макроэкономической волатильности, циклических кризисов и структурных трансформаций понимание поведения домохозяйств становится критически важным для обеспечения устойчивого роста и социальной стабильности [Вольчик, 2010]. Эти изменения формируют новую институциональную среду, в рамках которой домохозяйства вынуждены адаптироваться [Савостицкий и др., 2025, с. 399]. Особую роль в этом контексте играют так называемые «анкерные расходы» – обязательные, неэластичные статьи бюджета домохозяйств (аналог постоянных издержек компаний), такие как расходы на жилье, коммунальные услуги, базовое питание и фиксированные платежи по кредитам. Эти расходы формируют «финансовый пол», ниже которого домохозяйства не могут опуститься без существенного ущерба для своего базового уровня жизни. Их устойчивость к изменениям доходов превращает их в ключевой фактор, определяющий способность экономики адаптироваться к шокам и влияющий на общую динамику совокупного потребления – основного компонента ВВП в большинстве стран мира.

Актуальность исследования анкерных расходов вызвана их двойственной природой. С одной стороны, они обеспечивают мини-

мальную стабильность и предсказуемость бюджета домохозяйств. С другой – создают структурную ригидность, которая может блокировать реакцию потребления на экономические колебания, ослабляя автоматические стабилизаторы и усиливая проциклическую экономику.

Целью данного исследования является разработка и эмпирическая валидация нового количественного индикатора – Индекса ригидности потребления (Consumption Rigidity Index, далее – CRI), призванного измерить степень, в которой структура потребления в той или иной экономике «заякорена» обязательными расходами, и оценить влияние этой ригидности на реакцию совокупного потребления на колебания экономической активности.

Для достижения этой цели была разработана методология расчета CRI, применена для широкой выборки стран и в последствии эмпирически валидирована по результатам проверки ее связи с прокси-переменными, отражающими потенциальные источники анкерных расходов.

Рабочая гипотеза исследования формулируется следующим образом: чем выше доля анкерных расходов в бюджете домохозяйств страны, тем слабее и симметричнее будет реакция ее совокупного потребления на колебания ВВП как в фазах роста, так и в фазах спада. Следовательно, значения CRI, близкие

к нулю (указывающие на высокую симметрию и низкую эластичность), будут наблюдаться в странах с наиболее высокой структурной ригидностью потребления, обусловленной доминированием обязательных расходов. Экстремальные (сильно положительные или отрицательные) значения индекса, напротив, будут соответствовать более гибким структурам потребления.

Данное исследование находится на стыке поведенческой экономики, макроэкономики и сравнительного институционального анализа, предлагая новый взгляд на старую проблему жесткости потребительского поведения через призму измеримого макроэкономического индикатора.

Теоретическая основа исследования

Анкерные расходы (англ. anchor costs) представляют собой концепт, выросший из исследований поведенческой экономики, прежде всего из теории ментальных учетов Р. Талера. Р. Талер и К. Санстейн отмечали, что «люди склонны мысленно распределять свои деньги по отдельным “счетам” – на аренду, еду, отпуск и т. д. – и зачастую не готовы переводить деньги с одного счета на другой, даже когда это имеет экономический смысл» [Thaler et al., 2008, p. 53]. При этом Р. Талер говорил, что подобное разделение часто приводит к «поведенческой жесткости». В этом контексте анкерные расходы выступают как первичные, обязательные статьи бюджета, которые должны быть покрыты в первую очередь, до того, как начинается распределение средств на дискреционные нужды [Ярашева и др., 2020].

Эта поведенческая жесткость тесно связана с теорией привычки. Как заметил Д. Дьюзенберри, «...значительная часть потребительских расходов фактически фиксирована предыдущими обязательствами и не может быть легко изменена в ответ на изменение дохода. Как только семья достигла определенного уровня жизни, она будет прилагать серьезные усилия для его поддержания, даже если ее текущий доход снизится» [Duesenberry, 1949]. В результате формируется локус расходов, точка отсчета, от которой домохозяйство отталкивается при принятии финансовых реше-

ний [Масленников и др., 2020]. Изменение этой точки воспринимается как потеря стабильности и требует значительных когнитивных усилий. Как указывает Д. Ариели, «мы можем отказаться от отпуска ради экономии, продолжая при этом выплачивать чрезмерные проценты по кредитной карте» [Ariely, 2008, p. 155].

На микроэкономическом уровне феномен анкерных расходов напрямую связан с низкой эластичностью спроса по доходу для базовых товаров и услуг. Еще А. Маршалл в своих «Принципах экономической науки» определил, что «спрос на самые насущные жизненные средства совершенно неэластичен; но и в этом случае существует известный предел того, что может быть израсходовано на них, тогда как в отношении всех остальных средств можно сказать, что чем они необходимее, тем менее эластичен спрос на них, то есть тем меньше он расширяется при падении цены и сокращается при ее повышении» [Маршалл, 1993, с. 124–125]. В современной трактовке это проявляется в том, что даже при падении доходов сокращение анкерных расходов (ипотека, платежи за коммунальные услуги, базовое питание) происходит крайне неохотно.

В рамках исследований экономики бедности нобелевские лауреаты А. Банерджи и Э. Дюфло отмечают, что «бедные, как и все мы, вынуждены жонглировать платежами... Они должны решать, какой счет оплатить первым, какого кредитора успокоить... Эти решения принимаются не на основе тщательного расчета долгосрочной выгоды. Вместо этого они определяются ментальным учетом – с отдельными «счетами» для разных целей, некоторые из которых гораздо более срочны, чем другие» [Banerjee et al., 2011].

На макроуровне важную роль играет теория финансовых ограничений ликвидности, развитая в работах О. Бланшара. Согласно ей, высокие обязательные платежи создают хронический дефицит ликвидности у домохозяйств, что делает их уязвимыми к любым экономическим шокам. Как пишет О. Бланшар и соавторы, «наличие домохозяйств, живущих от зарплаты до зарплаты... подразумевает, что потребление будет сильнее реагировать на изменения текущего дохода, поскольку эти домохозяйства не могут сглаживать потребление за счет заимствований или

использования активов» [Blanchard et al., 2017]. Это напрямую нарушает гипотезу постоянного дохода М. Фридмана [Friedman, 1957] и гипотезу жизненного цикла Ф. Модильяни.

В классическом виде эти теории предполагают, что люди стремятся равномерно распределять потребление на протяжении жизни. Однако, по Р. Шиллеру, «долгосрочный характер ипотечного долга означает, что домохозяйства делают ставки на свой будущий доход и будущую стоимость своих домов на десятилетия вперед. Эти ставки могут оказаться катастрофически проигрышными» [Shiller, 2012], что делает сглаживание потребления невозможным.

Если поведенческая экономика объясняет почему люди склонны создавать анкерные расходы, а классическая экономика – как это влияет на спрос и макроэкономическую стабильность, то социология и институциональная теория отвечают на вопрос, почему это стало массовым явлением [Вольчик и др., 2010]. Согласно теории социальных обязательств, анкерные расходы – это институциональные ловушки современного капитализма. Как указывает Д. Гребер, «определяющая характеристика нашей нынешней экономической системы – это генерализация принципа долга. Дело не только в том, что мы должны деньги за дома, машины и высшее образование; а в том, что сама возможность достойной жизни стала тем, чего можно достичь, только влезши в долги» [Graeber, 2011].

Эта норма особенно ярко проявляется в теории прекариата и концепции «ловушки долга / образа жизни». Г. Стэндинг в работе «Прекариат: новый опасный класс» пишет, что «финансовая незащищенность перестала быть уделом только бедных. Сегодня даже многие домохозяйства со средним доходом живут от зарплаты до зарплаты, находясь в одном шаге от кризиса из-за долгов и фиксированных расходов» [Стэндинг, 2014]. Это блокирует социальную мобильность и создает хронический стресс, что подтверждается исследованиями уровня тревожности в странах с высокой долговой нагрузкой домохозяйств (США, Великобритания, Южная Корея).

Теоретическая основа для концепции ригидности расходов заложена в работах, исследующих нелинейность и асимметрию реакции

потребления на шоки доходов. Ключевые исследования подтверждают, что сокращение потребления при падении доходов происходит с большей силой, чем его рост при увеличении доходов (динамическая асимметрия), что связывается с наличием обязательных расходов [Кононкова и др., 2022] и поведенческими факторами [Шишкина, 2017]. Концепт заранее принятых расходных обязательств домохозяйств (англ. commitment expenditures), развитый в работах Четти и др. [Chetty et al., 2024], формализует идею о том, что предварительные обязательства домохозяйств (коммунальные расходы, ипотечные долги) создают «ригидность вниз»: при падении доходов домохозяйства в первую очередь сокращают необязательные статьи расходов, чтобы сохранить обязательные платежи, что усиливает процикличность совокупного потребления. CRI операционализирует эти теоретические положения, переводя их в измеримый макроэкономический показатель на основе анализа асимметрии эластичностей.

Несмотря на обширную теоретическую базу, единой теории анкерных расходов не существует, как и работ, количественно измеряющих влияние анкерных расходов на макроэкономическую стабильность.

Методы исследования

В настоящем исследовании применяется методология сопоставимого кросс-странового анализа долгосрочных макроэкономических агрегатов, где ригидность потребления измеряется через асимметрию эластичности конечного потребления домохозяйств к ВВП в фазах роста и спада. Авторы эмпирически валидируют разработанный индекс, сопоставляя его с прокси-переменными структурных ограничений бюджета, что позволяет дифференцировать природу выявленных ограничений – бытовую ригидность и долговую хрупкость.

Высокая доля анкерных расходов ограничивает способность домохозяйств адаптировать потребление к экономическим циклам, создавая структурную ригидность. Для кросс-странового измерения этой ригидности в условиях ограниченных данных о структуре расходов в исследовании вводится CRI.

Логика индекса основана на ключевой гипотезе: чем выше доля анкерных расходов, тем слабее реакция совокупного потребления домохозяйств на колебания ВВП как в фазах роста, так и в фазах спада, что приводит к симметрично низкой эластичности потребления по доходу. Следовательно, CRI измеряет степень этой симметрии (ригидности), вероятно выступая прокси для доли анкерных расходов.

Методика расчета CRI осуществляется в три этапа.

На первом для каждой страны на основе данных Всемирного банка о реальном ВВП (в ценах 2015 г.) за период 1960–2023 гг. [The World Bank ...] выделяются подпериоды роста и падения. Для каждого подпериода вычисляется коэффициент эластичности конечного потребления домохозяйств (C) по ВВП (Y):

$$E_i = \% \Delta C_i / \% \Delta Y_i \quad (1)$$

где $i = 1, 2, \dots, n$ – номер подпериода (года или последовательной фазы экономического цикла) в рамках временного ряда для каждой страны.

Затем рассчитываются две агрегированные величины: E_{up} – средняя арифметическая эластичность по всем под-периодам роста; E_{down} – средняя арифметическая эластичность (по модулю) по всем под-периодам падения.

CRI вычисляется как разность между эластичностями в фазах роста и падения:

$$CRI = E_{up} - E_{down}. \quad (2)$$

Если CRI положительная, но стремится к 0 (высокая ригидность), то потребление практически не меняет свою реакцию на ВВП в зависимости от фазы цикла. Это указывает на доминирование анкерных расходов, которые «блокируют» бюджет.

На третьем этапе для доказательства того, что CRI действительно измеряет влияние анкерных расходов, проводится эмпирическая валидация, включающая три типа прокси-переменных: доля расходов на продовольствие и на товары длительного пользования в структуре потребления и финансовые обязательства домохозяйств.

В таблице 1 представлена выборка исследования, сформированная с целью обеспечения репрезентативности, сопоставимости и разнообразия для проверки гипотез в различных экономических контекстах. Она включает 94 страны, отобранные по следующим критериям: доступность данных, глобальное покрытие, страны – мировые лидеры по ВВП в 2023 году.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу CRI, необходимо рассмотреть контекст, в котором формируются его значения. Поскольку индекс измеряет реакцию потребления на колебания ВВП, сама природа и амплитуда этих колебаний в разных странах и регионах является критически важным фоном для интерпретации индекса. Ниже представлен анализ экономической динамики в выборке за исследуемый период (см. табл. 2).

Таблица 1. Структура выборки по макрорегионам и уровням дохода, 2023

Table 1. Sample structure by macro-regions and income levels, 2023

Макрорегион	Кол-во стран	Страны с высоким доходом	Страны с доходом выше среднего	Страны с доходом ниже среднего	Страны с низким доходом
Европа и Центральная Азия	34	20	13	1	–
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	15	5	5	4	1
Латинская Америка и Карибы	14	2	8	4	–
Ближний Восток и Северная Африка	14	5	5	4	–
Южная Азия	5	–	–	4	1
Африка к югу от Сахары	12	–	2	7	3
<i>Всего</i>	94	32	33	24	5

Примечание. Классификация по уровню дохода согласно методике Всемирного Банка. Составлено авторами.

Данные таблицы 2 показывают, что стабильность роста – удел немногих. Лидерами здесь выступают Индия, Китай, Индонезия и Вьетнам, чьи экономики, опирающиеся на большой внутренний рынок и диверсифицированный экспорт, демонстрировали почти непрерывный рост, несмотря на глобальные кризисы.

Обратная сторона медали – крайне волатильные сырьевые экономики. Список возглавляют Ливия, Венесуэла и Замбия, чей ВВП десятки раз менял направление из-за ценовых шоков на нефть и металлы.

Таблица 3 демонстрирует страны с наибольшей исторической нестабильностью потребления. Украина, Россия и Аргентина выделяются не только частыми спадами, но и

глубиной падений, что свидетельствует о высокой чувствительности их экономик к внешним шокам и внутренним кризисам.

Расчетные значения CRI, представленные в таблице 4, демонстрируют значительный разброс – от –9,02 (Сенегал) до +4,39 (Украина). Первичный анализ позволяет выделить несколько эмпирических закономерностей и кластеров.

Значения CRI не распределены равномерно, а тяготеют к определенным диапазонам, формируя три условные группы: страны с резко отрицательным индексом ($CRI < -2$, например, Австралия, Норвегия, Швейцария), страны с индексом, близким к нулю (в диапазоне от –0.5 до +0.5, например, Индонезия, Турция, Финляндия) и страны с выраженно положи-

Таблица 2. Динамика ВВП в государствах мира (выборочно)

Table 2. GDP dynamics in selected countries

Лидеры по стабильности роста			Волатильность ВВП по странам		
Страна	Лет роста ВВП	Общее количество лет в наблюдении	Страна	Количество смен направления роста ВВП	Общее количество лет в наблюдении
Индия	58	64	Ливия	27	64
Китай	57	64	Венесуэла	25	64
Индонезия	54	64	Замбия	24	64
Вьетнам	37	40	Ангола	22	44
Бангладеш	55	64	Азербайджан	18	33
Эфиопия	51	63	Россия	17	33
«Чемпионы» по росту ВВП (максимальный годовой прирост)			«Чемпионы» по падению ВВП (максимальное годовое падение)		
Страна	Год наблюдения	Рост ВВП, %	Страна	Год наблюдения	Падение ВВП, %
Китай	1969	+30,5 %	Ливия	2011	–62,2 %
Ливия	1973	+30,0 %	Венесуэла	2020	–31,0 %
Оман	1968	+28,6 %	Украина	1994	–25,8 %
Катар	1973	+27,9 %	Россия	1992	–24,1 %
Ирак	1975	+26,9 %	Замбия	1979	–23,5 %

Примечание. Рассчитано авторами.

Таблица 3. Волатильность потребления по странам (выборочно)

Table 3. Consumption volatility by selected countries

№	Страна	Годы данных	Падения	Взлеты	Макс. падение, %
1	Украина	33	12	20	~30 % (2014 г.)
2	Россия	26	9	16	~15 % (1998, 2009 гг.)
3	Аргентина	30	9	20	~17 % (2002 г.)
4	Греция	63	15	47	~10 % (2011 г.)
6	Иран	63	13	49	~15 % (2012 г.)
7	Турция	36	8	27	~10 % (2019 г.)
8	ЮАР	63	11	51	~6 % (2020 г.)
9	Италия	53	10	42	~9 % (2012 г.)
10	Япония	53	12	40	~8 % (2020 г.)

Примечание. Рассчитано авторами.

тельным индексом ($CRI > 1$, например, Чехия, Китай, Литва).

В каждой из этих групп представлены как страны с высоким доходом, так и развивающиеся экономики. Это указывает на то, что CRI фиксирует не уровень экономического развития, а специфический режим реакции потребления на цикл, который может возникать в разных институциональных и структурных условиях.

Наблюдаются региональные скопления: ряд развитых англосаксонских и североевропейских экономик демонстрируют отрицательный CRI, в то время как многие постсоциалистические страны Восточной Европы и Азии – положительный. Однако внутри регионов присутствуют значимые отклонения (например, Германия с CRI $-0,98$ и Чехия с CRI $+3,19$), что свидетельствует против географического или чисто культурного детерминизма.

Согласно методологии, индекс CRI приближается к нулю, когда эластичность потребления по ВВП в фазах роста (E_{up}) и спада (E_{down}) становится симметричной. Теоретически это состояние должно соответствовать максимальному влиянию анкерных расходов, которые «блокируют» бюджет домохозяйств, делая его реакцию на экономические колебания одинаково слабой как вверх, так и вниз.

Таким образом, из конструкции индекса вытекает ключевая проверяемая гипотеза: страны со значениями CRI, близкими к нулю (условно, в диапазоне от 0 до 1), долж-

ны демонстрировать наиболее высокую долю структурных ограничителей потребления (анкерных издержек). Напротив, экстремальные значения CRI (сильно отрицательные или сильно положительные) должны указывать на более гибкую структуру бюджета домохозяйств.

Для проверки этой гипотезы и ответа на вопрос, какие именно структурные факторы стоят за разными режимами CRI, необходимо перейти от анализа самого индекса к его сопоставлению с прямыми прокси-переменными, отражающими потенциальные источники анкерных издержек (см. табл. 5). Эмпирическая валидация CRI будет осуществлена через его связь с:

1) долей расходов на продовольствие ($Food_share$) как индикатором базовой, неэластичной статьи бюджета;

2) долей расходов на товары длительного пользования (DUR_share) как индикатором дискреционного, откладываемого потребления;

3) долей долга домохозяйств в ВВП (HH_Debt/GDP) как мерой фиксированных финансовых обязательств.

Для проверки гипотезы о связи CRI со структурными ограничениями потребления три прокси-переменные были агрегированы в сводный Индекс анкерных издержек (Anchor Cost Index, далее – ACI). Поскольку Dur_share теоретически находится в обратной зависимости с уровнем анкерных издержек, индекс рассчитывался по формуле:

Таблица 4. Индекс ригидности потребления (CRI)

Table 4. Consumption Rigidity Index (CRI)

Отрицательный CRI				«Нулевой» CRI				CRI > 1			
Страна	E_{up}	E_{down}	CRI	Страна	E_{up}	E_{down}	CRI	Страна	E_{up}	E_{down}	CRI
Сенегал	1,44	10,46	-9,02	Боливия	1,17	1,26	-0,08	Китай	1,10	0,00	1,10
Австралия	1,15	9,38	-8,24	Марокко	1,04	1,10	-0,06	ДРК	1,85	0,58	1,27
Иран	1,41	8,74	-7,33	Финляндия	1,01	1,06	-0,05	Япония	3,01	1,23	1,79
Мексика	1,14	7,84	-6,70	Турция	0,64	0,66	-0,02	Литва	1,98	0,16	1,82
Эквадор	3,41	8,32	-4,91	Индонезия	1,18	1,18	0,00	Чехия	4,50	1,31	3,19
Индия	0,87	5,22	-4,34	Колумбия	1,01	0,99	0,02	Судан	5,26	1,96	3,30
Израиль	1,65	5,08	-3,44	Аргентина	1,27	1,18	0,09	Украина	4,92	0,53	4,39
Норвегия	1,28	4,39	-3,11	Сальвадор	1,08	0,96	0,11				
Швейцария	0,91	3,91	-2,99	Доминик. Респ.	1,19	1,05	0,14				
Люксембург	1,55	4,47	-2,92	Таиланд	0,98	0,82	0,16				

Примечание. Рассчитано авторами.

$$ACI = (Z(\text{Food_share}) + Z(\text{HH_Debt/GDP}) - Z(\text{Dur_share})) / 3, \quad (3)$$

где $Z(X)$ – стандартизированное (z-score) значение показателя X , причем X принимает значения Food_share (доля расходов на продовольствие), HH_Debt/GDP (долг домохозяйств к ВВП) и Dur_share (доля товаров длительного пользования).

Рост ACI интерпретируется как увеличение структурных ограничений бюджета домохозяйств. В соответствии с гипотезой, выборка была разделена на три группы: страны с $CRI < 0$, страны с $0 \leq CRI \leq 1$ и страны с $CRI > 1$. Средние значения компонентов и итогового ACI для этих групп представлены в таблице 6.

Результаты, представленные в таблице 6, позволяют сделать следующие ключевые выводы о валидности CRI и природе выявленных режимов потребления. Страны с индексом CRI, близким к нулю ($0 \leq CRI \leq 1$), действительно демонстрируют структурные при-

знаки, ассоциируемые с высокой долей обязательных расходов. Для этой группы характерна наивысшая доля расходов на продовольствие (32,3 %) при среднем уровне долга и расходов на товары длительного пользования. Это подтверждает, что данный режим CRI отражает «бытовую ригидность», при которой потребление «заблокировано» высокой долей неэластичных базовых трат.

Непредвиденное открытие: роль долговой нагрузки. Наиболее значимым результатом валидации является четкая идентификация принципиально иного источника ограничений. Группа стран с резко отрицательными значениями CRI ($CRI < 0$) имеет кардинально отличный структурный профиль. Для них характерна невысокая доля расходов на питание (20,7 %), что типично для развитых экономик, но экстремально высокая долговая нагрузка домохозяйств – в среднем 63,7 % ВВП, что почти в три раза превышает показатель

Таблица 5. Показатели CRI и показателей, влияющих на финансовое давление на домохозяйства (выборочно)

Table 5. CRI indicators and metrics influencing selected household financial pressure

Страны	CRI	Показатель	Страны	CRI	Показатель
Доля расходов на еду в общих расходах домохозяйств (Food share), 2022–2023					
Страны-лидеры			Страны-аутсайдеры		
ДРК	1,27	61,0	Норвегия	–3,11	11,6
Судан	3,30	56,9	Австралия	–8,24	11,4
Кот ДИвуар	0,73	56,5	Н. Зеландия	–2,78	11,4
Уганда	0,20	54,2	США	–1,09	11,4
Эфиопия	0,21	53,6	Австрия	–2,27	11,2
Доля расходов на товары длительного пользования в структуре расходов домохозяйств (Dur share), 2022					
Страны-лидеры			Страны-аутсайдеры		
Кения	–0,94	18,8	Словения	0,24	10,0
Ю. Корея	–2,15	18,0	Чехия	3,19	9,8
Узбекистан	0,30	17,5	Швейцария	–2,99	9,5
Израиль	–3,44	17,5	Шри Ланка	–2,74	8,5
Танзания	0,54	17,0	Боливия	–0,08	7,5
Норвегия	–3,11	17,0	Бангладеш	–1,62	7,1
Китай	1,10	16,8	Камерун	–1,57	6,5
Украина	4,39	16,5	Сальвадор	0,11	6,1
Россия	0,75	16,5	ДРК	1,27	5,5
Долги домохозяйств к ВВП (Household Debt), 2022					
Страны-лидеры			Страны-аутсайдеры		
Швейцария	–2,99	129,5	Аргентина	0,09	8,9
Австралия	–8,24	119,3	Египет	–0,53	8,3
Ю. Корея	–2,15	104,2	Иран	–7,33	8,1
Норвегия	–3,11	102,8	Уганда	0,20	7,3
Кипр	0,92	102,4	Судан	3,30	6,8
Канада	0,68	101,8	Гана	0,47	6,4

Примечание. Рассчитано авторами.

других групп. Именно этот фактор – высокое стандартизированное значение Z (HH Debt/GDP) – формирует повышенное значение индекса ACI для данной группы ($-0,20$).

Этот эмпирический вывод позволяет переинтерпретировать экономический смысл отрицательных значений CRI. Отрицательный CRI формируется, когда эластичность потребления по ВВП в фазах спада (E_{down}) существенно превышает эластичность в фазах роста (E_{up}). Выявленные данные указывают, что такая асимметрия является следствием не общей бытовой «заякоренности», а «долговой хрупкости». В периоды экономического подъема высокое бремя обслуживания долга ограничивает возможность домохозяйств наращивать потребление (низкая E_{up}). В периоды кризиса необходимость продолжать выплаты по обязательствам вынуждает их резко и глубоко сокращать дискреционные расходы (высокая E_{down}). Исходя из этого, $CRI < 0$ служит индикатором не ригидности в классическом понимании, а проциклической финансовой уязвимости, порожденной чрезмерной долговой нагрузкой.

Страны с выражено положительным CRI демонстрируют наименьшие значения индекса анкерных издержек ($-0,71$), что указывает на минимальное влияние структурных ограничителей. Для них характерны относительно умеренные расходы на питание, самая низкая долговая нагрузка (20,4 % ВВП) и наиболее высокая доля расходов на товары длительного пользования. Данный профиль соответствует экономикам с «адаптивной гибкостью», где потребление домохозяйств не сковано ни базовыми тратами, ни фиксированными финансовыми обязатель-

ствами и потому может наиболее свободно и симметрично реагировать на фазы экономического цикла.

Проведенный анализ полностью подтверждает содержательную валидность CRI как меры, чувствительной к структурным ограничениям бюджета домохозяйств. При этом эмпирическая проверка позволила существенно углубить его интерпретацию, выявив два качественно различных типа таких ограничений.

Бытовая ригидность ($CRI \rightarrow 0$): вызвана высокой долей неэластичных расходов на базовые потребности (продовольствие). Следует отметить ограничения использованных прокси-переменных. Показатели не учитывают расходы на жилье и коммунальные услуги, которые в развитых странах могут быть значительным анкером. Будущие исследования могут быть дополнены более детальными данными о структуре расходов домохозяйств.

Долговая хрупкость ($CRI \ll 0$) обусловлена чрезмерной долговой нагрузкой, создающей асимметричную и проциклическую уязвимость потребления. Следовательно, CRI трансформируется из простого измерителя «структурной негибкости» в диагностический инструмент, позволяющий по одному числовому значению не только оценить степень эластичности потребления, но и идентифицировать лежащую в ее основе структурную проблему – будь то проблема низких доходов или проблема финансовой стабильности. Это открывает возможности для его практического применения в макрофискальном и макропруденциальном регулировании.

Таблица 6. Средние значения прокси-переменных и индекса анкерных издержек (ACI) по группам стран, сформированным на основе значений CRI

Table 6. Mean values of proxy variables and the Anchor Cost Index (ACI) for country groups formed based on CRI values

Группа CRI	Кол-во стран	Средний CRI	Индекс ACI (итоговый)	Z (Food_share)	Z (HH_Debt/GDP)	Z (DUR_share)	Food_share, %	HH_Debt/GDP, %	DUR_share, %
$CRI < 0$	44	-3,37	-0,20	-0,26	0,39	-0,33	20,7	63,7	12,6
$0 \leq CRI \leq 1$	32	0,45	-0,34	0,32	-0,58	0,08	32,3	22,0	12,8
$CRI > 1$	10	2,65	-0,71	0,06	-0,67	0,10	29,6	20,4	13,6
Вся выборка	86	-0,81	-0,28	0,00	0,00	0,00	25,7	42,1	12,9

Примечание. Рассчитано авторами.

CRI может служить не только исследовательским инструментом, но и ранним индикатором для политиков: значение CRI, приближающееся к нулю, сигнализирует о нарастании бытовой ригидности и требует мер по поддержке доходов; резко отрицательное значение CRI указывает на рост долговых рисков и необходимость макропруденциального ужесточения.

Заключение

Проведенное исследование позволило разработать и эмпирически валидировать CRI – инструмент, который количественно измеряет степень зависимости структуры потребления домохозяйств от обязательных, неэластичных расходов, или так называемых «анкерных расходов». CRI выходит за рамки теоретического конструкта, предлагая методику, основанную на доступных макроэкономических данных (ВВП и конечное потребление домохозяйств), что делает его применимым для кросс-страновых сопоставлений и анализа в условиях ограниченной статистики о детальной структуре расходов. Его ключевая роль заключается в том, что он позволяет не только диагностировать степень ригидности потребления, но и выявлять лежащие в ее основе структурные проблемы, что имеет критическое значение для прогнозирования динамики анкерных расходов и их влияния на макроэкономическую стабильность.

Основные результаты исследования подтверждают, что CRI является значимым индикатором структурных ограничений бюджета домохозяйств. Была выявлена четкая неоднородность значений индекса по странам, которая не имеет прямой корреляции с уровнем экономического развития, но отражает специфические режимы реакции потребления на экономические циклы.

Страны со значениями CRI, близкими к нулю (в диапазоне от 0 до 1), действительно демонстрируют признаки «бытовой ригидности», характеризующейся наиболее высокой долей расходов на продовольствие – классического прокси-индикатора анкерных расходов. Это подтверждает базовую гипотезу о том, что CRI фиксирует влияние обязательных, трудносокращаемых статей бюджета.

Однако наиболее значимым и неожиданным открытием валидации стало обнаружение принципиально иного типа ограничения. Страны с резко отрицательными значениями CRI ($CRI < 0$), к которым относятся многие развитые экономики, продемонстрировали не высокую долю расходов на базовые нужды, а экстремально высокую долговую нагрузку домохозяйств (в среднем 63,7 % ВВП).

Этот неожиданный результат валидации позволяет переинтерпретировать экономический смысл отрицательного CRI. Он указывает не на классическую ригидность, а на «долговую хрупкость» – высокая долговая нагрузка создает асимметричную уязвимость, при которой в периоды роста потребление ограничено необходимостью обслуживать долги (низкая эластичность вверх), а в кризисы домохозяйства вынуждены резко сокращать дискреционные расходы для продолжения платежей (высокая эластичность вниз). Таким образом, CRI позволяет дифференцировать природу ограничений: низкие значения сигнализируют о проблеме низких доходов и базовых расходов, а резко отрицательные – о проблеме финансовой стабильности и долговых рисках.

Страны с положительным CRI (> 1) показали наиболее низкий уровень структурных ограничений, характеризующийся умеренными базовыми расходами, низкой долговой нагрузкой и более высокой долей расходов на товары длительного пользования. Это соответствует режиму «адаптивной гибкости», где потребление может более свободно реагировать на экономическую конъюнктуру.

На основании полученных результатов можно сформулировать следующие рекомендации.

CRI может использоваться как ранний диагностический индикатор. Приближение значения CRI к нулю в стране может служить сигналом о нарастании «бытовой ригидности» и требует мер фискальной политики, направленных на поддержку реальных доходов наименее защищенных групп населения. Напротив, резко отрицательные значения CRI являются тревожным сигналом о повышенной «долговой хрупкости» и требуют акцента на макропруденциальной политике для сдерживания роста за кредитованности домохозяйств и укрепления финансовой устойчивости.

Ограничения исследования связаны в первую очередь с используемыми прокси-переменными для валидации. Показатель доли расходов на продовольствие не учитывает другие ключевые анкерные расходы, такие как жилье и коммунальные услуги, которые в развитых странах могут играть определяющую роль. Кроме того, кросс-страновой анализ базируется на агрегированных данных, что может нивелировать внутреннюю неоднородность домохозяйств внутри стран. Будущие исследования могли бы углубить анализ, используя более детальные микроданные о структуре расходов и обязательств

домохозяйств, а также проверить устойчивость результатов на расширенных временных рядах.

В заключение CRI доказал свою содержательную валидность и практическую значимость. Он трансформируется из исследовательского инструмента в важный элемент диагностического аппарата для экономистов и политиков, предлагая простой, но информативный способ оценить структурные уязвимости потребления и дифференцировать их природу, что является критическим шагом на пути к разработке более адресных и эффективных мер экономической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольчик, В. В. Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности / В. В. Вольчик // *Пространство экономики*. – 2010. – № 2. – С. 71–77.
- Вольчик, В. В. Экономическое поведение в контексте эволюции институтов / В. В. Вольчик, Т. А. Зотова // *Пространство экономики*. – 2010. – № 4. – С. 54–64.
- Кононкова, Н. П. Экономика совместного потребления: основы рыночных отношений в новой экономической реальности / Н. П. Кононкова, Д. А. Михайленко // *Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика*. – 2022. – № 1. – С. 133–152.
- Масленников, В. В. Влияние поведенческого цикла на формирование денежных потоков / В. В. Масленников, А. В. Ларионов // *Финансы: теория и практика*. – 2020. – № 5. – С. 100–111.
- Маршалл, А. Принципы экономической науки. Т. 1. Книга III: Потребности. Их взаимосвязь и классификация / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1993. – 352 с.
- Савостицкий, А. С. Трансформация поведенческих стратегий домохозяйств / А. С. Савостицкий, А. А. Сычев // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2025. – Т. 253. – С. 398–411.
- Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 192 с.
- Шишкина, Т. М. Демонстративное расточительство и эвристика репрезентативности / Т. М. Шишкина // *JIS*. – 2017. – № 4. – С. 110–117.
- Ярашева, А. В. Поведенческая экономика: население на рынке кредитных услуг / А. В. Ярашева, С. В. Макару, Ю. А. Симагин // *Народонаселение*. – 2020. – № 3. – С. 48–58.
- Ariely, D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions / D. Ariely. – N. Y.: HarperCollins, 2008. – P. 155.
- Banerjee, A. V. Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty / A. V. Banerjee, E. Duflo. – N. Y.: PublicAffairs, 2011. – 320 p.
- Blanchard, O. Inflation and Activity – Two Explorations and Their Monetary Policy Implications / O. Blanchard, E. Cerutti, L. Summers. – Frankfurt am Main: European Central Bank, 2017. – P. 1–45.
- Chetty, R. The Economic Impacts of COVID-19: Evidence from a New Public Database Built Using Private Sector Data / R. Chetty, J. N. Friedman, M. Stepner // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2024. – Vol. 139, Iss. 2. – P. 829–889. – DOI: 10.1093/qje/qjad048
- Duesenberry, J. S. Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior / J. S. Duesenberry. – Cambridge: Harvard University Press, 1949. – P. 83–84.
- Friedman, M. A. Theory of the Consumption Function / M. A. Friedman. – New Jersey: Princeton University Press, 1957. – URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/theory-consumption-function>
- Graeber, D. Debt: The First 5000 Years / D. Graeber. – Brooklyn: Melville House, 2011. – P. 385–386.
- Shiller, R. J. Finance and the Good Society / R. J. Shiller. – [S. l.]: Princeton University Press, 2012. – P. 145.

Thaler, R. H. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness* / R. H. Thaler, C. R. Sunstein. – New Haven : Yale University Press, 2008. – P. 53.

The World Bank. World Development Indicators. 1960–2023. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/>

REFERENCES

- Volchik V.V. Povedencheskaya ekonomika i sovremennye tendentsii evolyutsii instituta sobstvennosti [Behavioral Economics and Modern Trends in the Evolution of the Institution of Property]. *Prostranstvo ekonomiki* [Space of Economics], 2010, no. 2, pp. 71-77.
- Volchik V.V., Zotova T.A. Ekonomicheskoye povedeniye v kontekste evolyutsii institutov [Economic Behavior in the Context of Institutional Evolution]. *Prostranstvo ekonomiki* [Space of Economics], 2010, no. 4, pp. 54-64.
- Kononkova N.P., Mikhailenko D.A. Ekonomika sovmestnogo potrebleniya: osnovy rynochnykh otnoshenij v novej ekonomicheskoy realnosti [Sharing Economy: Fundamentals of Market Relations in the New Economic Reality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin], 2022, no. 1, pp. 133-152.
- Maslennikov V.V., Larionov A.V. Vliyaniye povedencheskogo tsikla na formirovaniye denezhnykh potokov [The Influence of the Behavioral Cycle on the Formation of Cash Flows]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2020, no. 5, pp. 100-111.
- Marshall A. *Principy ekonomicheskoy nauki. T. 1. Kniga III: Potrebnosti. Ikh vzaimosvyaz i klassifikatsiya* [Principles of Economic Science. Vol. 1. Book 3: Needs. Their Interrelation and Classification]. Moscow, Progress Publ., 1993. 352 p.
- Savostitsky A.S., Sychev A.A. Transformatsiya povedencheskikh strategij domokhozyajstv [Transformation of Households' Behavioral Strategies]. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2025, vol. 253, pp. 398-411.
- Standing G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. 192 p.
- Shishkina T.M. Demonstrativnoye rastochitelstvo i evristika reprezentativnosti [Conspicuous Wastefulness and the Representativeness Heuristic]. *JIS*, 2017, no. 4, pp. 110-117.
- Yarasheva A.V., Makar S.V., Simagin Yu.A. Povedencheskaya ekonomika: naseleniye na rynke kreditnykh uslug [Behavioral Economics: Population in the Credit Services Market]. *Narodonaseleniye* [Population], 2020, no. 3, pp. 48-58.
- Ariely D. *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. New York, HarperCollins, 2008, p. 155.
- Banerjee A.V., Duflo E. *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. New York, PublicAffairs, 2011. 320 p.
- Blanchard O., Cerutti E., Summers L. *Inflation and Activity – Two Explorations and Their Monetary Policy Implications*. Frankfurt am Main, European Central Bank, 2017, pp. 1-45.
- Chetty R., Friedman J.N., Stepner M. The Economic Impacts of COVID-19: Evidence from a New Public Database Built Using Private Sector Data. *The Quarterly Journal of Economics*, 2024, vol. 139, iss. 2, pp. 829-889. DOI: 10.1093/qje/qjad048
- Duesenberry J.S. *Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, Harvard University Press, 1949, pp. 83-84.
- Friedman M. *A Theory of the Consumption Function*. Princeton University Press, 1957. URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/theory-consumption-function>
- Graeber D. *Debt: The First 5000 Years*. Brooklyn, Melville House, 2011, pp. 385-386.
- Shiller R.J. *Finance and the Good Society*. S.I., Princeton University Press, 2012, p. 145.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New Haven, Yale University Press, 2008, p. 53.
- The World Bank. World Development Indicators. 1960–2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/>

Information About the Authors

Denis S. Ushakov, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of World Economy and International Relations, Rostov State University of Economics, B. Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, fintaliano@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6413-6116>

Tatiana V. Podolskaya, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of International Economic Relations, South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Pushkinskaya St, 70/54, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, podolskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0337-051X>

Информация об авторах

Денис Сергеевич Ушаков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет, ул. Б. Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, fintaliano@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6413-6116>

Татьяна Валентиновна Подольская, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Пушкинская, 70/54, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, podolskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0337-051X>